

Е. П. Блаватская

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО НЕЦЕРКОВНОЕ ХРИСТИАНСТВО

~~~~~

Толстой - это великий мастер художественного слова и великий мыслитель. Вся его жизнь, его сердце и разум были заняты одним жгучим вопросом, который в той или иной степени наложил свой болезненный отпечаток на все его сочинения. Мы чувствуем его омрачающее присутствие в "Истории моего детства", в "Войне и мире", в "Анне Карениной", пока он окончательно не поглотил его в последние годы его жизни, когда были созданы такие работы, как "Моя вера", "В чем моя вера?", "Что же делать?", "О жизни" и "Крейцера соната". Тот же самый вопрос горит в сердцах многих людей, особенно среди теософов; это поистине - вопрос самой жизни. "В чем смысл, цель человеческой жизни? Каков конечный исход неестественной, извращенной и лживой жизни нашей цивилизации, такой, какая навязана каждому из нас в отдельности? Что мы должны делать, чтобы быть счастливыми, постоянно счастливыми? Как избежать нам кошмара неизбежной смерти?" На эти вечно стоящие вопросы Толстой не дал ответа в своих ранних сочинениях, потому что он сам не нашел его. Но он не мог прекратить бороться, как это сделали миллионы других, более слабых или трусливых натур, не дав ответа, который по крайней мере удовлетворил бы его собственное сердце и разум; и в пяти вышеназванных работах содержится такой ответ. Это ответ, которым на самом деле не может удовлетвориться теософ в той форме, в какой его дает Толстой, но в его главной, основополагающей, насущной мысли мы можем найти новый свет, свежую надежду и сильное утешение. Однако для того, чтобы понять ее, мы должны вкратце проследить тот путь, посредством которого Толстой достиг того мира, который был им найден; ибо пока мы не сможем почувствовать так же, как и понять те внутренние процессы, которые привели его к этому, его решение, подобно любому другому решению жизненной проблемы, останется мертвой буквой, чисто интеллектуальной словесной концепцией, в которой полностью отсутствует жизненная сила; простой спекуляцией, лишенной живой истины и энтузиазма.

Подобно всем думающим мужчинам и женщинам нашего времени, Толстой утратил веру в религию в детстве; ибо такая утрата детской веры - неизбежная в жизни каждого человека - не является, как правило, результатом глубокого размышления; это скорее естественное следствие нашей культуры и нашего общего жизненного опыта. Он сам говорит, что его вера исчезла, и он не знает, как. Но его юношеское устремление к этическому усовершенствованию, продолжало сохраняться еще около десяти лет, постепенно забываясь, и в конце концов совершенно исчезло. Видя вокруг себя торжествующие амбиции, любовь к власти, эгоизм и чувственность; видя презрение и насмешливое отношение ко всему тому, что называется добродетелью, добротой, чистотой и альтруизмом, и не способный иметь ни ощущения внутреннего счастья и наполненности, ни внешнего успеха, Толстой шел по пути, которым движется мир, поступая так, как он видит поступают другие, принимая участие во всех порочных и низменных поступках "благопристойного мира". Далее он обращается к литературе, становится великим мастером слова, наиболее преуспевающим писателем, пытаюсь, как он сам

рассказывает, скрыть от себя свое собственное невежество, поучая других. В течение нескольких лет он продолжал совершать такое подавление своей внутренней неудовлетворенности, но перед ним все более часто, все более мучительно вставал этот вопрос: Для чего я живу? Что я знаю? И с каждым днем он все яснее видел, что он не может дать на него ответ. Ему было пятьдесят лет, когда его отчаяние достигло наивысшей точки. Находясь на вершине своей славы, счастливый муж и отец, автор многих прекрасных сочинений, наполненных глубочайшим знанием людей и жизненной мудрости, Толстой осознает невозможность дальнейшего продолжения жизни. "Человек не может вообразить себе жизнь без желания благополучия. Желать и приближать это благополучие - это и есть жизнь. Человек исследует в жизни только то, что он может в ней улучшить". Наша наука, напротив, изучает только тени вещей, а не их истинную сущность; и находясь в заблуждении, что это второстепенное и неважное является существенным, наука искажает идею жизни и забывает о своем истинном предназначении, состоящем в проникновении именно в эту тайну, а не в изучении того, что сегодня открывается, а завтра - забывается.

Философия говорит нам: - "Вы являетесь частью человечества, поэтому вы должны со-участвовать в развитии человечества и в реализации его идеалов; цель твоей жизни совпадает с целью жизни всех других людей". Но как это может помочь мне узнать, что я живу для того же, для чего живет и все человечество, если мне не сказали, что это такое, для чего должно жить человечество? Почему существует мир? В чем состоит результат того, что мир существует и будет существовать? Философия не дает ответа.

Скептицизм, нигилизм, отчаяние - в эту сторону уводят подобные мысли думающего человека, если он ищет последнее слово Мудрости в науке и философии различных школ. Таково также, реальное, внутреннее, ментальное состояние, в котором находятся многие люди как внутри, так и вне Теософского общества.

По отношению к этой проблеме жизни Толстой разделяет людей в целом на четыре класса:

Некоторые, обладающие слабым и незрелым интеллектом, счастливо живут в своем невежестве - для них проблема жизни, как таковая, не существует.

Другие достаточно осознают и понимают эту проблему, но намеренно отворачиваются от нее, поддерживаемые благоприятными внешними обстоятельствами, позволяющими им пройти по жизни как бы в состоянии опьянения.

Третью группу составляют те люди, которые знают, что смерть лучше, чем жизнь, прошедшая в заблуждении и невежестве; но они продолжают жить, потому что они не имеют достаточной силы для того, чтобы положить внезапный конец этому обману - жизни.

Наконец, существуют сильные и стойкие натуры, которые осознают весь идиотизм этого фарса, который разыгрывается с ними, и одним ударом кладут конец этой глупой игре.

"Я ничего не мог бы сделать", - говорит он, - "только думать, думать о том ужасном положении, в котором я находился... Мое внутреннее состояние в это время, которое вплотную привело меня к самоубийству, было таково, что все, что я сделал до тех пор, все, что я все же смог бы сделать, казалось мне глупым и дурным. Даже то, что было для меня наиболее дорого в этой жизни, что столь долго уводило и

отвлекало меня от жестокой реальности - моя семья и мое творчество - даже это утратило для меня всякую ценность".

Он наконец выбрался из этой пропасти отчаяния. "Жизнь - это все, - заключил он, - я, сам мой разум является созданием этой всеобщей жизни. Но в то же самое время Разум - это создатель и последний судья человеческой жизни, присущий ей самой. Каким же образом тогда разум может отрицать смысл последней, не отрицая самого себя и не называя себя лишенным смысла? Следовательно, я могу назвать жизнь бессмысленной лишь потому, что я не познал ее смысл". Убеденный в том, что у Жизни есть смысл, Толстой ищет его среди тех, кто действительно живет - среди людей. Но здесь он снова встречается с разочарованием, горчайшим из всех, поскольку именно здесь была его последняя надежда. Ибо среди людей он обнаружил единственное решение проблемы жизни, которое покоилось на представлении о вселенной, противоположном разуму, и основывалось на слепой вере, которую он так давно отбросил в сторону.

"Я подверг, - рассказывает он, - дополнительной проверке представления моего разума и обнаружил, что Разум в недостаточной степени отвечает на мои вопросы, поскольку он не рассматривает концепцию Бесконечного (Беспричинного, Вневременного и Внепространственного), потому что он объясняет мою жизнь, проходящую во времени, пространстве и причинной обусловленности, опять-таки в терминах времени, пространства и причинности: такое объяснение на самом деле является логически корректным, Но только лишь в терминах тех же самых компонентов, то есть, оставляя исходное и конечное основание жизни - единственное, что нас волнует и интересует - необъясненным. Религия, напротив, делает прямо противоположное: она не признает логики, но знает концепцию Бесконечного, с которой соотносит все сущее и, в некоторой степени, дает правильные ответы. Религия говорит: Ты должен жить согласно закону Божию; результатом твоей жизни будет или вечное мучение, или вечное блаженство; смысл твоей жизни, которая не уничтожается после смерти, состоит в соединении с Бесконечным Божеством.... Концепция Бесконечного Божества, божественности Души, зависимости человеческих поступков от Бога - таковы представления, которые зародились в сокровенной глубине человеческой мысли, и без которых не было бы никакой жизни, и я также не смог бы существовать".

"Но что же такое Бог? На какой последовательности мыслей основывается вера в его существование и в зависимость человека от него? Если я есть", - рассуждает Толстой, - "тогда должен быть смысл моего бытия, и смысл для такого основания, и некий первичный смысл, и эта и есть Бог. Я чувствую успокоение; мои сомнения и сознание своего сиротства в жизни исчезли. Но когда я спрашиваю себя: что есть Бог? Что я должен делать по отношению к нему? - Я обнаруживаю лишь банальные ответы, которые снова разрушают мою веру... Но я имею в себе концепцию Бога, сам факт и необходимость такой концепции, - и никто не может лишить меня этого. Однако, откуда же эта концепция? Откуда же ее необходимость? Эта необходимость является самим Богом. И я снова чувствую радость. Все вокруг меня живет и имеет свой смысл. Представление о Боге - это поистине не сам Бог; но необходимость создания этого представления, стремление к познанию Бога, благодаря познанию которого я и живу, - это и есть Бог, живой и дающий жизнь Бог... Живя в этой мысли, ты действуешь как проявление Бога, и тогда твоя жизнь будет свидетельствовать о существовании Бога".

Толстой вновь обрел веру, "свидетельство невидимых вещей", и его религиозная вера выражалась в течение трех лет его жизни в полном соответствии с наиболее строгими предписаниями православной церкви. Но в конце концов, обнаружив, что церковь и все христианское общество в целом поступает прямо противоположно его главным представлениям об истинной Религии, он оторвался от православия и захотел понять, в чем состоит для него Истина в Религии, путем изучения Нового Завета.

Но прежде чем обсуждать те заключения, к которым он пришел, рассмотрим сначала фундаментальную позицию Толстого с теософской точки зрения. Его аргумент о существовании Бесконечного Бога как необходимого "первоначального основания" человеческого разума, полностью совпадает с аргументами теософов о существовании Космического или Универсального Разума, и как аргумент, он не доказывает ничего сверх того. Зараженный западной привычкой к чувственности, он приписывает Универсальному Разуму антропоморфные черты, которыми последний не может обладать, и, таким образом, сеет семена неестественности и приводит к выводам о тех практических действиях, к которым он пришел впоследствии. В главном он прав; но в попытке удовлетворить требования своей эмоциональной натуры, он впадает в квази-антропоморфизм. Однако, для нас более важно обратить внимание на ту горькую картину, на которой он рисует те ментальные страдания, которые сегодня мучают каждого честного и искреннего мыслителя, и на то, что он указывает путь, единственный путь, на котором возможно спасение. Ибо, исходя из его основной концепции, мы приходим, при тщательном и внимательном рассуждении, к фундаментальным представлениям теософского учения, как мы это увидим впоследствии.

Но вернемся к религиозным открытиям Толстого. Изучая Евангелия, он обнаружил самую суть учения Иисуса в Нагорной Проповеди, понятой в своем буквальном, простом смысле, "таким, что даже маленький ребенок понял бы его". Он рассматривает как совершенное выражение христианского закона Милосердия и Мира, заповедь, "не противься злу", которая для него является наиболее точным проявлением истинного христианства, и эту заповедь он называет "единственным и вечным законом Бога и людей". Он также указывает, что задолго до появления исторического Иисуса, этот закон был известен и признан всеми руководителями человеческой расы. "Прогресс человечества в направлении добра", - пишет он, - "совершается теми, кто переносит страдания, а не теми, кто их причиняет".

Такова суть религии Толстого; но мы будем иметь больше возможностей проникнуть в ее истинный смысл и оценить вытекающие из нее практические выводы после того, как мы рассмотрим, во-первых, его учение о религиозном счастье, и во-вторых, его философию жизни.

Я верю, говорит Толстой: (1) что счастье на земле зависит единственно от выполнения учения Христа; (2) что осуществление этого учения не только возможно, но и легко и исполнено радости. Счастье, учит он, это любовь ко всем людям, единение с ними, а зло - это нарушение такого единства. Любовь и единство являются естественными человеческими состояниями, в которых находятся все люди, которых не сбивают с пути ложные учения.

Такие представления изменили все его отношение к жизни; все, к чему он ранее стремился, все то, что считается столь значимым в мире - честь, слава, культура, богатство, возросшее качество жизни, окружающей обстановки, пищи, одежды,

манер, - все это утратило свою ценность в его глазах, и вместо всего этого он начал почитать то, что Мир называет дурным и низменным - простоту, бедность, недостаток культуры. Но истинная сущность его учения лежит в концепции Всеобщего Братства человечества.

Согласно Толстому, Жизнь означает стремление человека к благополучию, к счастью, причем счастье, как мы видели, может быть достигнуто посредством исполнения заповедей Иисуса. Глубинное значение этих заповедей состоит в истинной жизни, а следовательно также и в истинном счастье, состоящем - не в сохранении чьей-либо индивидуальности, а - в ее поглощении Всем, Богом и Человечеством. Поскольку Бог - это Разум, христианское учение может быть сформулировано следующим образом: подчиняй свою личную жизнь разуму, который требует от тебя безусловной любви ко всем существам.*

---

* Это абсолютно та же самая доктрина, которой учил Будда и все остальные посвященные, включая Платона. Этот факт был понят Толстым, хотя он и не придавал ему должного значения.

Личная жизнь, та, которую осознает и которую желает только собственное "Я" человека, - это животная жизнь; жизнь разума - это человеческая жизнь, существование, присущее человеку в соответствии с его природой. Максима, завершающая стоическую философию, - живи в соответствии с природой, согласно твоей человеческой природе, - имеет ввиду то же самое. Учения мудрейших законодателей: брахманов, Гаутамы Будды, Конфуция, Лао-Цзы, Моисея, - содержат такое же объяснение жизни и предъявляют такое же требование к человеку. Ибо с древнейших времен человечество осознавало мучительное внутреннее противоречие, которое ощущали в себе все те люди, кто стремился к личному благополучию. И поскольку, к сожалению, нет иного способа разрешить это противоречие, кроме перенесения Центра тяжести существования* человека от своей индивидуальности, которая никогда не может быть сохранена от разрушения, к вечному Всему, то становится понятным, почему все мудрецы прошлого, так же как и величайшие мыслители последних веков, создали учения и нравственные законы, идентичные по своему общему смыслу, ибо они видели лучше всех остальных людей и это противоречие, и его решение.

---

* Там, где твое сокровище, будет и твое сердце.

Нетрудно увидеть, в чем состоит основное противоречие личной жизни. То, что является для человека наиболее важным, то единственное, чего он хочет, то, что - как ему кажется - единственно живет, а именно, его индивидуальность, разрушается, потому что скелет, рассыпаясь, не оставляет ничего за "собой"; в то время как то, чего он не хочет, что не является для него ценностью, чью жизнь и чье благоденствие он не ощущает, - внешний мир борющихся существ, - оказывается именно тем, что имеет продолжение, поистине живет.

После пробуждения разумного сознания, которое раньше или позже может произойти в каждом человеке, он осознает ту пропасть, которая проходит между животной и человеческой жизнью; он понимает это все полнее и полнее, пока в конце концов - на высшем уровне сознания - фундаментальное противоречие жизни не будет осознано лишь как кажущееся, принадлежащее единственно к сфере животного существования, и смысл жизни, который безуспешно искал

"личный" человек, наконец становится открытым. Он обнаруживается не с помощью логических выводов, но - интуитивно. Духовно пробужденный или возрожденный человек внезапно обнаруживает себя перенесенным в вечное, вневременное состояние жизни чистого "Разума",* в котором не может быть больше никаких иллюзий, противоречий, загадок... Разумная жизнь, как первоначальная и единственная истинная жизнь, является также нормальной жизнью человека, и человек как таковой лишь в той степени может быть назван "живущим", в какой он подчинил животное в себе законам Разума; и это точно так же, как и животное действительно живет только тогда, когда оно подчиняется не только законам того вещества, из которого состоит его тело, но и высшему закону органической жизни... Если однажды было осознано, что верховенство, особенно в человеческой жизни, безусловно принадлежит не личности, но разуму, то тогда нет ничего сверхчеловеческого в следовании естественному закону человеческой жизни, и в отношении и в использовании в качестве средства того, что является просто средством для истинной жизни, а именно - личности... Но может возникнуть вопрос: для чего же тогда мы имеем личность, если мы должны отказаться от нее, отрицать ее? Затем, чтобы личность, подобно любому средству, могла служить просто как способ для достижения цели, - и другой ответ здесь невозможен. Личность - это ничто иное, как "лопата", которая дана разумному существу, чтобы копать ею, чтобы она затуплялась при этом копании и затем снова затачивалась, - чтобы ею пользоваться, а не для того, чтобы она была чистой и хранилась без употребления. Использовать средство в качестве средства - это не означает отрицать его, но значит просто поставить ее на службу соответствующей цели, то есть, Разуму.

---

* В значении "ноэтической жизни" у Платона.

Такова философия жизни Толстого, одинаковая в своей основе с учением теософии. Но, испытывая недостаток в универсальности последней, имея слишком сильную склонность к искаженным и фрагментарным изречениям лишь одного Учителя Мудрости, философия Толстого оказалась бессильна руководить им на практике и, как показывает изучение его трудов, в действительности привела его к внутренним противоречиям. Однако, эти внутренние противоречия, находясь лишь на поверхности, на одном лишь физическом плане, имеют сравнительно небольшое значение по сравнению с тем действительным избавлением от иллюзий (в которых живет большинство из нас), которое он совершил.

Перевод К. Ю. Бурмистрова